

сколько от перифрастического наименования лица адресат ждет указания на объект действительности, а не сведений об этом объекте. Поэтому, если сочетание автор «Гамлета» осознается как перифрастический эквивалент имени Шекспир, то ошибки в денотации быть не может. Ложность смысла, таким образом, может не нарушать референции имени, ср. *Кавалерист даже никогда не служил в кавалерии* (Л. Толстой. «Два гусара»). Что же в таком случае обеспечивает имени нужную предметную отнесенность? Попытки разрешить этот вопрос делались представителями той новой школы в логической семантике, которая, сосредоточив свое внимание на проблемах референции, выбрала в качестве отправного пункта в построении семантической концепции имена собственные. С. Крипке⁴ и К. Доннеллан⁵, взгляды которых определили данное логико-философское направление мысли, решительно оспорили тезис Б. Рассела о том, что имя собственное представляет собой завуалированную дескрипцию, т. е. скрывает набор признаков, присущих данному индивиду. Они не согласились также и с тем, что имена естественных объектов обозначают концепт класса, благодаря чему они и могут получать отнесенность к действительности. Эти важные для новой теории тезисы были направлены, во-первых, на критику идеи индивидуного концепта, высказанной Лейбницем, и, во-вторых, на опровержение теории существенных черт (essences), объединяющих классы естественных реалий, в версии Локка.

Референция собственных имен, подчеркивает С. Крипке, может осуществляться и при отсутствии идентифицирующих дескрипций и при их ложности. Аристотель остается Аристотелем, сколь бы различны ни были представления о нем у разных людей, пользующихся этим именем, и сколь бы резко ни менялись его свойства на протяжении жизни. Имя собственное, по Крипке, является жестким десигнатором (rigid designator): оно относится к одному и тому же индивиду во всех возможных мирах, в которых он фигурирует. Жесткие десигнаторы осуществляют свою референцию в силу прямой связи с денотатами и независимо от того, удовлетворяют ли они ассоциируемым с именем дескрипциям. Это положение было затем отнесено Крипке к именам природных объектов.

Для адекватного употребления имени, полагает Крипке, важна лишь непрерывность «каузальной цепи», устанавливающей последовательность в отнесении имени к одному и тому же предмету и ведущей к моменту его «крещения». Вариантом каузальной теории Крипке является теория «исторического объяснения», развиваемая К. Доннелланом⁶, который считает, что для правильного выбора референта важно, чтобы между именем и индивиду прослеживалась историческая связь. Слыша предложение *Сократ был курнос*, адресат извлекает из своей памяти индивида, исторически соотнесенного с именем *Сократ*. Если история употребления имени приводит к «блоку», т. е. эпизоду его введения в обиход через фикцию, то соответствующее имя лишено реального референта и может войти в истинные предложения о несуществовании (ср. *Санта Клаус не существует*).

Изложенные теории более правильно отражают механизм референции имени к эмпирически знакомым предметам (в основном лицам), чем к объектам, извлеченным из прошлого человечества, субстанциональная сущность которых сама по себе утрачивает для последующих поколений свою значимость: эмпирически незнакомые индивиды нельзя дифференцировать иначе, как через знание различающих их признаков, которые и образуют ту скрытую дескрипцию, которая в иных случаях столь явственно про-

⁴ Kripke S. Naming and necessity. — In: Semantics of natural languages. Dordrecht, 1972; *его же*. Identity and necessity. — In: Naming, necessity and natural kinds. Ithaca — London, 1977.

⁵ Donnellan K. Reference and definite descriptions. — In: Semantics. Cambridge (Mass.), 1971; *его же*. Speaking of nothing. — In: Naming, necessity and natural kinds. Ithaca — London, 1977.

⁶ Donnellan K. Speaking of nothing.